

ИМИДЖ РОССИИ В США КАК ОТРАЖЕНИЕ ИДЕАЛА ОДНОПОЛЯРНОГО МИРОУСТРОЙСТВА

Р.С. Выходец, кандидат философских наук, доцент;

К.А. Коновалова.

Санкт-Петербургский государственный университет

Приведен оригинальный взгляд на современный политический имидж России в Соединенных Штатах Америки в ракурсе философской концепции социальной синергетики. В качестве круга субъектов, формирующих этот имидж, представлена политическая элита и экспертное сообщество США. Выделены три наиболее ярких стереотипа, связанных с политическим имиджем России в США, дан анализ их происхождения и функционирования при помощи серии положений теории социальной синергетики.

Ключевые слова: политический имидж, Россия, США, концепция социальной синергетики

THE IMAGE OF RUSSIA IN THE UNITED STATES AS A REFLECTION OF AN IDEAL UNIPOLAR WORLD ORDER

R.S. Vikhodets; K.A. Konovalova, Saint-Petersburg state university

The article provides an original view on modern political image of Russia in the United States of America from the perspective of the social synergetics philosophical concept. As a circle of subjects that are making this image formulated, American political elite and academia are presented. The authors propose three most characteristic stereotypes connected with Russian political image in the USA, and analyze their origin and action addressing to the mentioned philosophical theory.

Keywords: political image, Russia, USA, social synergetics concept

Россия занимает чрезвычайно заметное положение в американском политическом дискурсе уже почти век. Начало этому было положено во времена биполярного противостояния, затем в 1990-е и ранние 2000-е гг. США оценивались перспективы сосуществования с этим ставшим на путь «цивилизации и демократизации», но все еще странным, огромным государством с колоссальными запасами ядерного оружия, а сегодня вопросы Сирии и Крыма в глазах США снова возвращают России роль «врага», «угрозы», «глобального агрессора». «Российский фактор» при этом сказывается не только на внешнеполитическом выборе США, но и влияет на внутривнутриполитические расклады. Простой пример – подозрения о вмешательстве в прошедшие президентские выборы в США московских хакеров, которые столкнули республиканцев и демократов.

Каково бы ни было сюжетное наполнение «российского вопроса», само его существование позволяет рассудить: политический имидж России в США – это сложный спектр идеологических комплексов, двумя крайними гранями которого являются трактовки «российского фактора» как неуходящей переменной, неизбежно «вмешивающейся» в выбор США способа участия в глобальной политике, и как непосредственной, экзистенциальной угрозы американским интересам. Нужно заметить, что именно в таком ключе восприятие России создается практиками и теоретиками американской большой политики; именно они – государственные деятели и политические аналитики – формируют штампы вроде «Россия как нарушитель международного права» (главным образом, касается второго срока Б. Обамы) или «Россия как надежный союзник в борьбе с исламистским терроризмом» (начало президентства Дж. Буша-мл.), уже «поселяющие» соответствующие оценки в народные умы.

При этом и самой России свойственно, в психолого-философском ключе, каким-либо образом концептуализировать такую специфику своего восприятия американцами. Так, до «Перестройки» у нее на службе для этих целей состояла марксистская

материалистическая диалектика, говорящая о вечной и непримиримой борьбе социалистической и капиталистической общественных систем (США были центром последней). Когда коммунизм перестал существовать, Россия, возможно, сама того не заметив, стала рассматривать недавних соперников их же «измерительным прибором» – через теории наподобие «конца истории» и «демократического мира». В последнее же время все не так определено. Вроде бы американцы могут называть русских своими партнерами, если речь идет о борьбе с глобальными угрозами, но в то же время они не вполне готовы к тому, чтобы у нас как у партнеров были равные самомнения и амбиции. С другой стороны, если пресса наших стран так часто произносит сочетание «вторая «холодная война», значит ли это, что мы вернулись к прежнему – органической конфронтации? И да, и нет, потому что ни идеологической борьбы, ни гонки вооружений, ни глобальной конкуренции за «третий мир» явно не обнаруживается.

Как бы в таком случае могла выглядеть философская канва, подведенная под эти противоречивые убеждения и объясняющая для России особенности ее политического восприятия американскими политической элитой и экспертным сообществом? На наш взгляд, достаточным объяснительным потенциалом здесь обладает социальная синергетика. Во-первых, потому что она с универсальным прицелом на любые формы социально-исторического бытия говорит о социальных идеалах. Идеал, в узком смысле, может быть представлен как стереотип, и, с этой точки зрения, американское восприятие России, как концентрированное «общезападное» восприятие, является, сегодня и всегда было, идеалистическим. Во-вторых, потому, что она делает акцент на субъективных восприятиях людей, что важно, коль скоро мы не можем больше относить внешнеполитический имидж на счет существования определенной формации или иных «объективно общих» исторических условий. В-третьих, она концентрируется как раз на том дуализме антагонистической борьбы и взаимосвязи, сопричастности, о котором шла речь выше, совершенно при этом очищенном от идеологических штампов.

Для дачи характеристики восприятию России американским политистеблишментом и экспертным сообществом мы сформулировали три наиболее ярких в настоящем контексте психологических особенности, которые можно расцветить примерами из реальной политической жизни и которые могут «вписываться» в весьма конкретные положения теории социальной синергетики.

Первая особенность: американские практики и теоретики международной политики не могут отойти от инерции исторической памяти периода биполярного мира, которая в свою очередь подвергает их в связи с оценками России, постоянному «искушению» образом врага.

В самом деле, как свидетельствуют в последнее время заявления американских официальных лиц, содержание документов, регламентирующих выбор «линии поведения» США на международной арене, психологическая парадигма времен двух лагерей, двух противоборствующих систем, при которой своя национальная основа ретранслирует истину и добро, чужая – ложь и зло, американцев «не отпускает».

Поводы для такого противоборства при этом могут воссоздаваться совершенно искусственно, в отсутствие соответствующих исторических условий, даже путем простой подмены понятий в информационном поле. Например, старший советник Дональда Трампа по политическим и стратегическим вопросам Стивен Бэннон предпочитает называть сегодняшнюю Россию «Советами».

В 2014 г. Бэннон заочно обвинял Барака Обаму, что тот не дает жесткий отпор России на Украине: «Русские очень серьезны. Они не собираются позволить Украине попасть в сферу влияния США и ЕС без борьбы <...> То, что [Обама] говорит в последние пару дней, звучит довольно инфантильно <...> Парадоксально, что все это случилось в ту же неделю, когда обамовский министр обороны собрался сократить армию до размеров меньше, чем во время Второй мировой <...> Они подрывают главную силу Америки <...> Мы видим первую расплату за это в местах вроде Украины, где *Советы* играют мускулами» [1].

Категория «Советов», помимо этого, провоцирует исследовательский интерес даже не сама по себе, а как эвфемизм понятия о некой «главной вражеской силе» вообще, каковой для США в годы «холодной войны» был Советский Союз. Иными словами, американские политические деятели могут называть Россию Россией, но воссоздавать своими заявлениями ситуацию бинарной, черно-белой международной реальности, главным пульсом которой были «подрывные» действия Москвы и «праведные» противодействия Вашингтона. С этой точки зрения, показательны, например, слова действующего вице-президента Майкла Пенса: «Провокациям со стороны России следует противопоставлять американскую силу» [2]. Возникает вопрос: почему именно «американскую»? Думается, что, если бы вице-президент не обращался вот так имплицитно к опыту биполярного противостояния, речь бы могла идти о «силе евроатлантической цивилизации» или «мирового сообщества», или еще какой-то иной.

Такие кристаллизации образа врага в устах политиков, безусловно, рассчитаны в США и на «внутреннее интеллектуально-духовное потребление», поскольку они проясняют международную миссию самих США, утверждают их веру в необходимость глобального лидерства. Утвержденная Б. Обамой в 2015 г. последняя действующая стратегия национальной безопасности США служит подтверждением этому тезису. О необходимости глобального лидерства США она говорит в связи с борьбой против глобальных угроз, названных в таком порядке: агрессия России на Украине – ИГИЛ – вирус Эбола [3]. При этом употребляется сочетание «наказание России», характерно морально окрашенное, дополнительно создающее распределение ролей «нарушителей» и «праведников».

Данная составляющая политического имиджа России в контексте синергетической методологии раскрывается в двух аспектах. Во-первых, общей посылкой о диалектической связи между хаосом и порядком как взаимно противоположных, но и необходимых началах [4]. С этой точки зрения можно говорить о том, что логика «холодной войны» позволяет США вернуться в комфортную роль олицетворения глобального «порядка», в то время как Россия становится «хаосом», и «порядку» важно позитивно идентифицировать себя за счет «хаоса». Во-вторых, можно обратиться к положению об эволюции идеалов в общественном ключе, которое предполагает его «рождение, связанное с познанием истины» (речь может идти об историческом моменте, когда после второй мировой войны США открывают для себя и принимают на себя высокую, освещаемую, прежде всего, морально, роль лидера свободного мира), «распространение и реализацию» (это, собственно, противоборство с социалистическим блоком и «притягивание» к своему лагерю новых союзников), «крушение» (его олицетворяет самостийный конец социалистического блока, автоматически приведший к концу всех условий для биполярного противоборства и, как следствие, отбирающий у лидера свободного мира, по меньшей мере, моральные основания для его превосходства). За крушением, по мнению В.П. Бранского и С.Д. Пожарского, следуют стадии «воскресения» и «преображения», иллюстрирующие «самовоспроизводящее» начало социального идеала, при условии подстройки его к новым условиям [5], что весьма напоминает реальность нынешнего «оживления» в восприятии России США даже чисто информационной повестки времен «холодной войны».

Вторая особенность: практики и теоретики международной политики в США постоянно пытаются соотнести Россию с чертами «нормального государства», «измерить», в чем, применительно к ее государственному и общественному порядку, заключается «норма» и «не-норма».

Мы уже говорили, что после падения СССР Соединенные Штаты были основным апологетом точки зрения о «конце истории», и торжество демократических ценностей «нормального», евро-атлантического образца, на фоне «третьей волны демократизации» должно было распространиться на весь мир, включая и Россию. Россия в этой ситуации должна была начать движение к «оптимуму» режима – либеральной демократии со свободными выборами, прессой, невмешательством государства в экономику, миролюбивой внешней политикой и разоружением и т.д.

Это ощущение «начала» либо «продолжения» движения России к демократической «норме» существовало для американской политической элиты и академического сообщества приблизительно до 2008–2012 гг. – «грузинской войны» и прихода Владимира Путина к власти во второй раз.

Содержание этого ощущения достаточно красноречиво раскрыто в работе Дэниела Трейсмана (университет Калифорнии) и Андрея Шлейфера (Гарвард) под названием «Россия как нормальная страна» (*Russia as a normal country*), вышедшей в 2005 г. В ней авторы указывают, что в ранней (на тот момент) путинской России присутствует тенденция к централизации власти, несвободна пресса, власть коррумпирована, доходы населения недостаточно высоки, но все это – своеобразные болезни роста. Молодые демократии, типа Мексики или Аргентины, тоже проходили через все это. Россия, между тем, ведет себя весьма прогрессивно, ведь она «из коммунистической диктатуры превратилась в многопартийную демократию, в которой государственные люди избираются на выборах. Ее плановая экономика стала капиталистической, управляемой рынком и законами частной собственности. Ее войска были мирно удалены из Восточной Европы и бывших советских республик, что позволило последним стать независимыми государствами» [6].

Когда оказывается, что с течением времени от названных Трейсманом и Шлейфером «болезней роста» Россия так и не выздоравливает, тезис о «норме» применительно к ней вырабатывает еще два подхода к России, оба из которых, в определенной степени, составляют о ней официальное американское восприятие.

Первый подход – критикующе-пессимистический, сводящийся к тому, что Россия «застряла» в своем «демократическом транзите» и пришла к некоему инфериорному, относительно западной «нормы», государственному режиму и соответствующим же ценностям для политики.

Одной из наиболее ранних формулировок этого подхода можно считать слова консервативного республиканца и правоведа Джона Болтона, сказанные им в 2007 г. в Вашингтоне на американо-российской конференции «Россия накануне выборов: преемственность или перемены?»: «Россия возвращается к квазиавторитарной, прокоммунистической, квазицаристской – называйте это как хотите – политической системе. Она больше не открыта для демократических преобразований, свободы прессы и личных прав человека... Мы были правы только в одном (*относительно перспектив «нормализации России»*) – мы ошибались» [7].

Второй подход – назовем его «критикующе-констатирующим» – сводится к тому, что Россия не сможет стать похожей на западные демократии в перспективе просто потому, что у нее другие представления об этой самой «норме». В этом ключе рассуждает, например, Уильям Циммерман (университет Мичигана). Этот политолог говорит о следующем. В 1996–2008 гг., после короткого рывка в сторону демократии, российские выборы становятся все менее открытыми и конкурентными и все более незначимыми. Рокировки Путина и Медведева в высшей власти, правовое закручивание гаек (среди примеров могут быть «закон Димы Яковлева», закон о запрете гей-пропаганды среди несовершеннолетних), вкуче с приданием внешнеполитическому курсу агрессивных черт (имеется в виду ситуация на Украине) свидетельствуют о том, что Россия движется к новому авторитаризму. И это не поворот вспять, а специфическая форма эволюции. Россия В. Путина, заключает Циммерман, по-своему нормальна, просто критериями ее «нормальности» выступают стабильность, безопасность, отсутствие перемен [8].

Следует подчеркнуть, что, как бы то ни было, но принципиальных позитивных различий с точки зрения восприятия России как члена мирового сообщества для США оба этих подхода не несут. Ведь если первый говорит о том, что с Россией нельзя нормально взаимодействовать потому, что она не «развилась» до уровня евро-атлантического мира, то второй только констатирует девиантный путь этого развития. Третью версию, которая позволила бы принять Россию с ее режимом и всеми социально-политическими и экономическими особенностями как ее внутренними делами, и при этом общаться с ней

для пользы дела разрешения глобальных проблем, как представляется, попытался привнести в официальную политическую мысль США новый президент Д. Трамп, заявляющий об отказе от стратегии смены режимов и приоритетной установке на сплочение международных усилий во имя борьбы с терроризмом, но пока ему не удастся переломить господствующую традицию. Как иначе можно объяснить недавние заявления Белого дома о том, что «сделка с русскими» по борьбе с ИГИЛ откладывается [9] и на встречу стран антитеррористической коалиции Госдепартамент США Россию не приглашает? [10].

Что касается положений теории социальной синергетики, то здесь просматривается релевантность принципа о том, что если развитие есть закономерное чередование порядка и хаоса, то хаос обладает творческой силой (способностью) рождать новый порядок [4]. Причем, релевантность эта двойственна. С одной стороны, можно считать, что речь идет о нетипичной «нормальности» России как итоговом порождении творческого потенциала «хаоса». С другой, «российский фактор» («хаос») способен создавать новые расклады внутри «порядка» как его антитезы (США). Что, например, подтверждается тем фактом, что миф о вмешательстве России в ход президентских выборов 2016 г. спровоцировал серьезную идейную трансформацию демократов, еще при Обаме стоявших на позициях «отговаривания» республиканцев от конфронтации с Москвой (Хиллари Клинтон, приход которой к власти, по мнению ряда российских специалистов, сейчас мог бы спровоцировать даже большую войну между США и РФ [11], когда-то она была автором самого термина «перезагрузка»), а теперь дирижирующих второй «охотой на ведьм» в США.

Наконец, *третья особенность*: политикам и исследователям в США присуща персонализация «недостатков» и разного рода «пугающих экзотизмов» России через совмещение ее идентичности со спецификой политической элиты страны и, особенно, личностью президента Путина.

В общем и целом, в масс-медиа в США муссируется тезис о том, что Путин – национальный символ России [12] и воплощает общенациональные мировидения и стремления в международной политике.

С этой точки зрения, можно заметить, что отношения к российскому лидеру в США двойственное. С одной стороны, в связи с ее актуальным расколом, фрустрацией консерваторов из-за слабости Обамы, кризиса национального суверенитета и величия, у американских правых политиков и интеллектуалов Путин сейчас является популярным лидером. Он выступает пугающим, дерзким, но неизменно сильным, влиятельным имперцем, перед авторитетом которого меркнут бледные лидеры-легалисты типа недавно ушедшего Б. Обамы. Так, как сообщает The Financial Times, проведенный в августе 2016 г. опрос издания The Economist и компании YouGov выявил, что всего 27 % зарегистрированных республиканцев негативно относятся к российскому президенту. При этом два года назад данный показатель составлял 66 % [13].

С другой стороны, для политика или ученого немодернистского глобалистского толка российская политическая система и, особенно, президент, предстают абсолютным злом. Так, известный журналист, политический обозреватель Билл о'Рейли в феврале 2017 г. в интервью с Д. Трампом назвал Путина «убийцей» [2]. Для Фионы Хилл, исследователя института Брукингса, «Путин – главный делец и инквизитор России, который влезает во все большие и маленькие проблемы страны» [14].

Этот второй, негативно-обвинительный способ отношения к российскому лидеру, скорее всего, и является почвой для того мейнстрима в общественном мнении, который в США порождает восприятие России «сверху». Мы можем убедиться в этом чисто статистически. Если опросы The Economist и YouGov говорят еще и о том, что «каждый третий проголосовавший за Трампа поддерживает Путина» [13], то это порядка 20 млн граждан и не более 6 % в численном отношении ко всему населению США. В то же время, по последним опросам институтам Гэллага, до 70 % граждан США негативно относятся к России [15]. Очевидно, таким образом, что позитивные восприятия лидера России не отражают восприятия самой России. Позитивные же оценки, как представляется,

порождены тем, что американцы мысленно ставят Путина на место своих лидеров (отсюда вышеозначенные сопоставления со «слабым» Обамой), и это просто не создает ситуации формирования к нему отношения «извне» и утрачивает смысл его восприятия как «национального символа» России.

Таким образом, имидж России в США является не столько отражением сущностных характеристик самой России, сколько производной идеала однополярного мира, который еще достаточно силен в сознании и желаниях значительной части американской политической элиты. Любой социальный идеал порождает систему мифов и ритуалов, а также задает границы «жертвенного» поведения, необходимого на пути к достижению идеала. Образ России, как олицетворение атавистических, реакционных социально-политических форм, противостоящих развитию транснационализма во всех сферах общественной жизни и окончательной победе наднациональной политики и экономики над своими национальными визави, выступает необходимым, а зачастую и достаточным элементом ритуального и жертвенного поведения, соответствующего движению к однополярному идеалу.

Литература

1. Осипов А. Не будь первым парнем, рвущимся в дверь // Ведомости. 2016. 21 нояб.
2. Крутов М. Медведь-гегемон и «убийца Путин» // Радио Свобода. 2016. 14 нояб.
3. Стратегия национальной безопасности США. 2015. URL: <https://oko-planet.su/politik/politiklist/271399-polnuu-tekst> (дата обращения: 10.02.2017).
4. Бранский В.П. Социальная синергетика как постмодернистская философия. // Общественные науки и современность. 1999. № 6. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/370/343/1217/011bRANSKIJ.pdf> (дата обращения: 15.02.2017).
5. Синергетическая философия истории / под ред. В.П. Бранского и С.Д. Пожарского. СПб., 2009. 311 с.
6. Shleifer A. Treisman D.A. Normal Country: Russia After Communism // Journal of Economic Perspectives. 2005. Volume 19. № 1. P. 151–174.
7. Болтон Дж. Отношения США–России вчера, сегодня, завтра // Россия накануне выборов: преемственность или перемены?: материалы Американо-русской конф. Вашингтон: American Enterprise Institute. 2007.
8. Zimmerman W. Ruling Russia: authoritarianism from the revolution to Putin. Princeton: Princeton University Press. 2014. 344 p.
9. Slattery D. Trump indicates he might halt Russia deal amid tension over alleged ties to Moscow // NY Daily News. 2017. 04. 03. URL: <http://www.nydailynews.com/news/national/trump-halt-russia-deal-tension-article-1.2988603> (дата обращения: 11.02.2017).
10. Дунаевский И. Госдеп не пригласил Россию на министерскую встречу коалиции против ДАИШ // Рос. газ. 2017. 10 марта.
11. Алхименков М. Шесть факторов победы Д. Трампа. // РИСИ. 2016. 16 нояб. URL: <https://spb.riss.ru/video/5431/> (дата обращения: 10.01.2017).
12. CNN: Путин – символ национальной гордости для России // ИноТВ. Russia Today. 2015. 4 янв. URL: <https://russian.rt.com/inotv/2015-01-04/CNN-Putin---simvol-nacionalnoj> (дата обращения: 10.02.2017).
13. Акопов П. Путин завоевывает Запад. // Взгляд. 2016. 21 сен. URL: <http://www.vz.ru/politics/2016/9/21/833663.html> (дата обращения: 13.02.2017).
14. Hill F. Who is Mr. Putin? Mr. Putin: Operative in the Kremlin // Brookings Institution Press. 2015. P. 3–22.
15. Gallup: Russia. 2017. URL: <http://www.gallup.com/poll/1642/russia.aspx> (дата обращения: 10.02.2017).